

Век девятнадцатый, железный,
Воистину жестокий век!
Тобою в мрак ночной, беззвездный
Беспечный брошен человек!

Александр Блок

ОТ АВТОРА

Здравствуйте, друзья!

Так обычно я здороваюсь со слушателями моего исторического подкаста, а теперь и с вами, мои дорогие читатели!

Мне всегда казалось, что читать предисловия к книге — это невероятно скучное занятие, поэтому всегда смело их пролистывал, наивно полагая, что ничего интересного для себя я там не встречу, часто задаваясь вопросом: кто они, те люди, что читают эти авторские прологи в начале книги, объясняющие смысл того, что будет дальше? Ведь автор непременно полагает, что без предисловия написанное далее будет чрезвычайно сложно понять. Впрочем, теперь, когда я тоже в некотором роде стал автором, мне кажется так же.

XIX век — время невероятных потрясений и изменений в жизни русского общества, каких оно не видело никогда прежде. Время масштабных преобразований, больших разочарований, великих гениев и гнусных преступников. Вы скажете, что так можно описать почти любой век русской истории, — и будете абсолютно правы. Однако в XIX веке все события словно утрировали по своему масштабу и значению. Нет ни одной сферы жизни общества, которая бы не изменилась с течением этого столетия.

Я заметил, что выпуски моего подкаста о событиях того периода нравятся слушателям в разы больше, чем истории XVII или XVIII веков. Почему так? Я не знаю. Хотя кто из нас не хотел бы заглянуть в мир роскошной жизни столичной аристократии, прокатиться на бал по мощной набережной вдоль Зимнего в Петербурге, случайно повстречаться с Пушкиным где-то на входе в кондитерскую «Вольф и Беранже» на углу Невского, встретить в Царском Селе первый поезд, послушать Чайковского в испол-

нении самого Чайковского. Или же, наоборот, оказаться где-нибудь на деревенской площади среди крестьян в день провозглашения манифеста об отмене крепостного права. Этот список можно продолжать долго.

Все это кажется нам чем-то старинным и далеким, но от этой старины еще не веет запахом старости. Как бы это странно ни звучало, это молодая старина, и нам все еще интересно туда окунуться. И чем глубже погружаешься в ту эпоху, тем отчетливее понимаешь: наши предки — это мы с вами. Наши принципы, поступки, проблемы, радости — они не изменились. Этому не помешало ни время, ни перипетии XX века. Вы тоже в этом убедитесь, прочитав книгу до конца. Обещайте потом поделиться, что вы думаете на этот счет.

Слушателям подкаста я всегда говорю, что мои истории — это рассказ о нашем прошлом, о котором они не знали или знали, но забыли. Вот и в книге вы не найдете скучных фактов из учебников, которые утомляют и клонят в глубокий сон.

Но обращаю внимание, что описанные в книге события — это не авторский вымысел. Мне, как историку, было важно сохранить историческую достоверность. Поэтому для каждой главы подбирал нужные источники и исследования. Для того, чтобы истории приобрели живой характер и настроение, я искал воспоминания очевидцев и участников событий.

Я убежден, что главное в истории — это люди. В этой книге я вам предлагаю посмотреть на наше прошлое глазами тех, кто его создавал. И, конечно, ответить для себя на вопросы: как, а главное, почему получилось именно так, а не иначе? Это будут истории о гениях и злодеях, а также об эпохах, которые они изменили.

*С уважением,
автор подкаста «При царе Горохе»
Никита Исанов*

Здесь можно узнать
обо мне чуть больше

ГЛАВА 1

УБИЙСТВО В МИХАЙЛОВСКОМ ЗАМКЕ. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА СМЕРТИ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I

Убежденный в том, что нельзя терять времени для спасения государства и предвидя пагубные последствия всеобщего восстания, граф Пален отправился к великому князю Александру, прося у него позволения исполнить предложенный план, который не терпел уже никакой отсрочки. Он прибавил, что последние действия императора вызвали во всем петербургском обществе, во всех классах его такое страшное возбуждение, что можно опасаться самого худшего. Наконец решено было овладеть особой императора и отправить его в такое место, где он должен оставаться под приличным наблюдением и где не сможет причинить никакого зла.

«Вы увидите, генерал, что эта мера, бывшая неизбежной, приняла оборот, которого никто не ожидал и не мог предвидеть», — так вспоминал Леонтий Леонтьевич Беннигсен, генерал от кавалерии и один из участников событий ночи 11 марта 1801 года.

В ту ночь группа заговорщиков ворвалась в Михайловский замок в Петербурге для того, чтобы заставить императора Павла I подписать документ об отречении от пре-

стола. Но по стечению обстоятельств все закончилось смертью монарха. Уже рано утром 12 марта армия присягала на верность новому императору Александру I. Казалось, что многим Павла совсем не было жалко.

Император Павел I появился на свет 20 сентября¹ 1754 года. Он был первым ребенком от брака будущего императора всероссийского Петра III и Екатерины Алексеевны, будущей русской императрицы. Павел являлся племянником правящей на тот момент государыни Елизаветы Петровны. Павел родился в обстановке нелюбви. Ни мать с отцом не любили друг друга, ни он не был близок с матерью, так как виделись они чрезвычайно редко, и то только с разрешения императрицы.

За воспитание мальчика взялась сама Елизавета Петровна, приставив к младенцу целую очередь нянек, которые чрезмерно следили за здоровьем будущего наследника. Так что это скорее походило на крылатое русское выражение: «хотели как лучше, а получилось как всегда». Заботились о нем с чрезвычайным усердием, что, наоборот, приводило к частым болезням мальчика.

«Пуще всего, — пишет известный поэт и критик Владислав Ходасевич, — нянюшки и мамушки боялись простора, света и свежего воздуха».

Павел жил в полутемных, тесных и душных комнатах, которые не проветривались из боязни застудить ребенка. В тогдашних придворных кругах нередко были слухи, что Павел Петрович вовсе и не Петрович, и к рождению этого мальчика Петр Федорович не имеет никакого отношения, однако слухи слухами, но они нисколько не волновали Елизавету Петровну. Павла объявили наследником своего отца — будущего Петра III, — и он должен был править сразу после его смерти, которая оказалась гораздо ближе, чем этого кто-либо мог ждать.

¹ По старому стилю — Здесь и далее примечания автора.

Павел I получил блестящее для того времени образование. Он, несомненно, воспитывался как наследник престола, да только вот сам престол ускользал от него все дальше и дальше. А уж когда у Павла появился старший сын Александр, горячо любимый бабушкой императрицей Екатериной II, и она взяла его к себе на воспитание, как когда-то это сделала Елизавета с самим Павлом, тогда даже слухи стали ходить, что Екатерина Алексеевна планировала сделать внука Александра своим наследником в обход сына Павла Петровича, который и без того крайне редко показывался в Петербурге, почти постоянно живя в резиденции в Гатчине. В своих записках один из будущих декабристов Михаил Александрович Фонвизин пишет:

«Великий Князь Павел Петрович рожден был с прекрасными душевными качествами, добрым сердцем, острым умом, живым воображением и при некрасивой наружности восхищал всех знавших его своей любезностью. Но превратное воспитание, многолетний стесненный образ жизни при ненавидевшей его матери исказили все его добрые свойства».

Павел должен был стать императором в семь лет, но стал им только в 42 года — в ноябре 1796 года после смерти своей матери Екатерины II. Годы его правления современники описывают по-разному. Так, например, Николай Михайлович Карамзин, известный русский историк, в своих «Записках о древней и новой России в политическом и гражданском отношении» пишет:

«Сын Екатерины мог быть строим и заслужить благодарность отечества, к неизъяснимому изумлению россиян он начал господствовать всеобщим ужасом; не следуя никаким уставам, кроме своей прихоти, считал нас не подданными, а рабами; казнил без вины, награждал без заслуг; отнял стыд у казны, у награды — прелесть; легкомысленно истреблял долговремен-

ные плоды государственной мудрости, ненавидя в них дело своей матери».

Фонвизин, чьи мемуары я уже приводил чуть ранее, отмечает:

«Тиранство Павла особенно ужасало обе столицы и окружавших его. Никто из служащих не был безопасен от его раздражительности, доходившей до безумия».

Но в то же время он говорит:

«Простой народ даже любил Павла; в облегчение крепостных земледельцев он издал указ, чтобы они только три дня в неделю работали на своих господ, а три дня на себя и были свободны... Ужас Павлова тиранства особенно царствовал в Петербурге».

Поэтому нельзя однозначно согласиться с тем, хороший был Павел или плохой. На протяжении XIX–XX веков история видела Павла то тираном и деспотом, то рыцарем на престоле. Тут дело лишь в том, под каким углом посмотреть на Павла и время его правления.

Крестьяне любили Павла за «Манифест о трехдневной барщине» 1797 года, в котором говорилось: «дабы никто и ни под каким видом не дерзал в воскресные дни принуждать крестьян к работам». Оставшиеся шесть рабочих дней должны были быть разделены поровну: три дня крестьянин работал на себя и еще три на хозяина, то есть на барщине (земле помещика). Подобные требования устанавливались на бумаге. В действительности же павловский указ устанавливал не норму работы и распределения крестьянского труда, а лишь рекомендацию придерживаться этой нормы.

Ценили крестьяне Павла и за отмену телесных наказаний, дворяне же недолюбливали императора за его непредсказуемость и резкость. Павел старался делать все иначе, чем его мать Екатерина II, поэтому, став правителем, тут же частично ограничил действие Жалованной грамоты дворянству, по которой Екатерина предоставила им уйму

привилегий и льгот. Так, дворян, к их ужасу, за уголовные преступления при Павле снова стали телесно наказывать.

Но, как точно заметил Фонвизин, весь ужас павловского правления чувствовался в основном в Петербурге. Поэтому и заговор против ненавистного монарха сложился в среде петербургской аристократии. Главным действующим лицом разворачивающегося представления был столичный военный губернатор граф Петр Алексеевич Пален.

О заговоре против императора знал очень ограниченный круг людей. Пален посвятил в свои замыслы вице-канцлера Никиту Петровича Панина и братьев Зубовых — Платона, Николая и Валериана. Все остальные участники заговора, которых, как замечает Фонвизин, было около 60 человек, узнали о прожектах и действиях непосредственно перед дворцовым переворотом 11 марта за несколько часов до предполагаемого действия. И даже Леонтий Беннигсен, лично руководивший арестом императора Павла Петровича, был посвящен в планы только вечером 11-го за ужином у Зубовых. И вот что вспоминает Беннигсен:

«Было уже почти десять часов вечера, когда я к нему явился. Я застал у него его брата, графа Николая Зубова и трех лиц, еще не посвященных в тайну, из которых одно (Трощинский) служило в сенате и должно было отвезти туда приказ о созыве сенаторов на заседание, как только выяснится вопрос об особе императора. Граф Пален озабочился приготовить необходимые указы, начинавшиеся словами “по высочайшему повелению”. Правда, что шаг был опасный, но он был необходим, чтобы спасти народ от пропасти, которой он не мог избежать, если бы царствование Павла продолжалось».

Подготовлено Паленом все действительно было виртуозно. Он, казалось, позаботился обо всех моментах и форс-мажорах, которые могут произойти. Но главное, Пален заручился поддержкой Александра, старшего сына Павла.

«Часто видясь с ним, Пален всегда заводил речь о трудном и бедственном состоянии России, страждущей от безумных поступков отца его и не выводя никаких заключений, вызывал Великою князя на откровенность», — пишет Фонвизин.

Со временем Александр, хоть скрепя сердце, но все же дал согласие на свержение с трона своего отца, но, как вспоминает Адам Чарторыйский¹, мысль о лишении Павла жизни не могла прийти Александру в голову. Александр требовал, чтобы Павел остался жив, и это являлось главным его условием. И заговорщики пообещали ему это. Александр во время семейного ужина 11 марта был, как и всегда, чрезвычайно сдержан. Вообще, великие князя Александр и его младший брат Константин всегда вели себя сдержанно в присутствии отца.

«Сам же Павел, — как вспоминает паж Константин Карлович Бошняк, — сидя за столом в последний вечер был очень весел, чему-то много смеялся и беспрестанно перешептывался с сидевшим с ним рядом великим князем Александром Павловичем».

А меж тем до роковой минуты оставалось всего несколько часов.

Предлагаю взглянуть на то, как проходила завершающая подготовка и как осуществлялся план последнего дворцового переворота.

Император жил в только что достроенном Михайловском замке, где, как вспоминают современники, еще даже стены оставались мокрыми, не успев до конца просохнуть. Михайловский замок был выстроен как крепость с бруствером², водным рвом и с четырьмя подъемными мостами, которые вечером непременно поднимались. В этом убежище царь считал себя в безопасности от на-

¹ Друг Александра и один из участников «Негласного комитета».

² Земляная насыпь.

падения. Караул в замке осуществлялся поочередно гвардейскими полками. Внизу на главной гауптвахте находилась рота со знаменем, капитаном и двумя офицерами. В замке гарнизонная служба отправлялась как в осажденной крепости, со всей военной точностью. После пробития вечерней зори весьма немногие доверенные особы, известные швейцару и дворцовым сторожам, допускались в замок по малому подъемному мостику, опускавшемуся только для них. Как раз таким очень доверенным лицом являлся адъютант лейб-батальона Преображенского полка Аргамаков, который обязан был докладывать Павлу обо всех чрезвычайных происшествиях в городе, будь то пожар или что-то в этом роде. Павел доверял Аргамакову, а потому даже ночью впускал его в свою спальню. Аргамаков знал все потайные комнаты и лестницы Михайловского замка как свои пять пальцев, а их там было бесчисленное количество. И на беду Павла, Аргамаков и стал главным проводником отряда Зубова и Беннигсена прямо в опочивальню уже спавшего императора.

«Когда наступила полночь, — вспоминал Беннигсен, — я с князем Зубовым сел в сани, чтобы заехать к графу Палену. Мы нашли у его дверей полицейского офицера, который сказал нам, что граф отправился к генералу Талызину, где он нас и ожидает. У Талызина мы увидели комнату, наполненную офицерами, которые ужинали у генерала, не пренебрегая вином, и которые были посвящены в заговор. Из всего этого общества всякий желавший достигнуть блестящего положения мог, не будучи никем

Леонтий Беннигсен.
Активный участник заговора.
 Генрих Антон Дахлини

замечен, ускользнуть из собрания и, проникнув в Михайловский замок, разрушить заговор. Узнали потом, что накануне значительное число жителей города было осведомлено о том, что должно было произойти ночью, и однако никто не выдал тайны, что доказывает, насколько невыносимо было это правление, как желали его конца».

Неизвестно, преувеличивает ли Беннигсен, говоря, что весь Петербург знал о готовящемся перевороте, но то, что никто из присутствующих на ужине у Талызина не выдал тайны, — это абсолютно точно.

Кабинет Павла в Михайловском замке представлял собой длинную комнату, в которую входили через большую дверь. Стены замка были достаточно толстыми и вмещали в себя потайные лестницы. Такая как раз вела из кабинета Павла в апартаменты его возлюбленной Анны Петровны Лопухиной, в замужестве княгини Гагариной; также лестница шла и в комнату камердинера графа Кутайсова. На противоположном конце кабинета находилась другая дверь, ведущая в спальню императора, и рядом с ней камин. Из спальни же императора Павла была дверь в спальню императрицы Марии Федоровны, но которую сам Павел совсем недавно приказал наглухо забить досками.

А меж тем волнение самого Павла в последние дни перед кончиной возрастало все больше и больше. Он как будто что-то чувствовал, и вот однажды завел с Петром Алексеевичем Паленом такой разговор:

— *Вы были в Петербурге в 1762 году?* — спрашивает Павел Палена.

— *Да, Государь, был,* — отвечает Пален.

— *Что вы тогда делали и какое участие имели в том, что происходило в то время?*

— *Как субалтерн-офицер,* — говорил Пален, — *я на коне в рядах полка, в котором служил, был только свидетелем и не действовал.*

Император взглянул на него недоверчиво:
— *И теперь замышляют то же самое, что было в 1762 году.*

На что Пален выдал Павлу Петровичу:

— *Знаю, Государь, я сам в числе заговорщиков.*

Павел несколько опешил:

— *Как, и ты в заговоре против меня?*

Пален не задержался с ответом:

— *Да, чтобы следить за всем и зная все, иметь возможность предупредить замыслы ваших врагов и охранять вас.*

Когда именно проходил этот разговор, — за неделю или две перед кончиной императора, — неизвестно. Но Пален решил сыграть на опережение и отвести от себя подозрения мнительного императора. А меж тем Пален был не просто заговорщиком, он был главным из них. Наставала пора действовать.

У заговорщиков все уже было готово, однако они почему-то не торопились приводить свой план в исполнение. Вероятно, было страшно претворять в жизнь столь сложное, трудное и опасное дело. Решительности им прибавил сам Павел. Ходили слухи, как пишет Адам Чарторыйский, что Павел вызвал в Петербург графа Алексея Аракчеева и президента Коллегии иностранных дел Федора Ростопчина, на чью преданность Павел мог всецело положиться. Теперь медлить было нельзя.

Около полуночи большинство полков, принимавших участие в заговоре, двинулись ко дворцу.

«Впереди, — пишет полковник Николай Александрович Саблуков, лично видевший все своими глазами, — шли семеновцы, которые и заняли внутренние коридоры и проходы замка. Заговорщики встали с ужина немного позже полуночи».

Получив донесение, что движение войск началось, они разделились на два отряда: один под предводительством

Беннигсена и Зубовых, другой под начальством Палена. Впереди первого отряда шел адъютант Аргамаков, он должен был открыть заговорщикам вход в замок по подъемному мостику. Беннигсен вспоминает:

«По маленькой лестнице мы достигли небольшой кухни, которая прилежала к передней спальни императора. Там мы нашли камер-гусара, сидевшего возле печки, на которую склонил он свою голову и крепко спал. Из всей толпы офицеров, которыми мы были сначала окружены, осталось в этот момент с нами только четыре, и они, вместо того чтобы соблюдать тишину, набросились на слугу, а один из них далее нанес ему удар палкой по голове и тем заставил его кричать изо всех сил».

И вот сколько я воспоминаний прочел, что только с этим камер-гусаром не делали. Кому верить, совсем непонятно. У Беннигсена его ударили палкой по голове, он закричал. Фонвизин, лично не принимавший участия в заговоре, передавал с чьих-то слов, что на камер-гусаров (их уже стало двое) набросились, так как они не хотели пропускать группу заговорщиков, их обезоружили, зажали им рты и уволокли оттуда. Саблуков, который хоть и не участвовал в заговоре, но и не мешал ему, говорил, что один из камер-гусаров, которые храбро защищали свой пост, был заколот, а другой ранен. Адам Чарторыйский, друг Александра Павловича, писал, что камер-гусар¹ не пропускал и стал звать на помощь, а защищаясь, был ранен и упал, обливаясь кровью. В общем, что именно произошло с бедным гусаром или гусарами, неизвестно. Ясно, впрочем, то, что от громких шорохов и звуков за дверью Павел I проснулся, а может, он и не спал вовсе, что-то предчувствуя. Скрыться из спальни ему было некуда, вы ведь помните, что дверь в комна-

¹ В его мемуарах он вновь один.

ту императрицы стояла заколоченной, а времени на то, чтобы что-то еще придумать, не оставалось. Да и что придумаешь, когда заговорщики уже стоят за дверью. Павел от безысходности спрятался за ширму. И дверь в комнату открылась.

Зайдя в опочивальню императора, заговорщики немного растерялись. Никого не было. Далее, как вспоминает Беннигсен:

«Мы действительно застали императора уже разбуженным этим криком и стоящим возле кровати, перед ширмами. Держа штани наголо, мы сказали ему: „Вы арестованы, ваше величество!“ Он смотрел на нас минуту, не произнося ни слова, потом повернулся в сторону князя Зубова и сказал ему: „Что вы делаете, Платон Александрович?“»

Далее Зубову, по словам Беннигсена, нужно было срочно уйти, его зачем-то вызвали куда-то вниз. Платон Зубов поспешил, так как боялись, что во дворец войдет верная царю гвардия, которая ничего не знала о планах ночи 11 марта. Ситуация осложнялась еще и тем, что отряд под командованием Палена опаздывал. Пален должен был занять парадную лестницу дворца, тем самым отрезав любую помощь, которая могла прийти к Павлу Петровичу. Поговаривали, что хитрый Пален неспроста опаздывал и неспроста не участвовал в том представлении, которое разыгрывалось в покоях государя. Вы ведь помните, что Петр Пален раскрыл Павлу карты, что он находится в числе заговорщиков, и даже говорил ему, что там он только для того, чтобы в нужный момент пресечь и раскрыть их деятельность. Так вот, если бы что-то в ту ночь сорвалось и пошло не так, как задумывалось, Пален бы совершенно спокойно ворвался к государю и демонстративно при нем арестовал всех заговорщиков, тем самым сохранив престол за Павлом, а может быть, даже и сохранил ему жизнь.

